

РУССКИЙ ШАНСОН

Вячеслав

ДЕНИСОВ

Горят как розы бывшие раны

Вячеслав Денисов

Горят как розы былые раны

«ЭКСМО»

2011

Денисов В. Ю.

Горят как розы бывшие раны / В. Ю. Денисов — «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-47880-4

Сотрудник секретного Комитета по розыску произведений искусства по прозвищу Голландец – крупный эксперт по живописи. Он занимается запутанным делом по поиску похищенной у частного коллекционера картины Винсента Ван Гога «Ирисы в вазе». Ходят слухи, что эта картина приносит ее обладателям несчастья – люди сходят с ума и погибают... Голландца начинают преследовать: сначала наемные убийцы, затем милиция, потом охранники коллекционера. Эксперт отражает все нападения, но не успевает спасти жизнь своей возлюбленной, которая погибает от рук уголовника. Больше нет смысла скрываться, и похититель картины срывает с себя маску...

ISBN 978-5-699-47880-4

© Денисов В. Ю., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава I	10
Глава II	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Вячеслав Денисов

Горят как розы былые раны

ПРОЛОГ

Телега с трудом ползла по разбитой, расквашенной многодневными дождями проселочной дороге. Старая кобыла по имени Шельма со скрипом жевала стальные удила и упиралась из последних сил. То и дело она задирала коромыслом хвост и валила под телегу дымящиеся в холоде утра кругляши, словно прощалась с воспоминаниями о безмятежно проведенной у яслей ночи. Разношенные ступицы противно поскрипывали, левое заднее колесо выписывало в жиге фигуру, отдаленно напоминая восьмерку. Кривой след тут же засасывала грязь, колесо рисовало новый, телега то и дело подпрыгивала, переваливалась с боку на бок, и эта монотонная маета продолжалась уже пятый час.

– Не манерничай там. Взрослый уже, понимать должен, что против общей линии гнуть нельзя. Учителев слушайся, с погодками дружись. Скажут пол вымыть али еще какую полезную надобность сделать – не жульничай. Тряпка ума еще ни у кого не убавляла.

Так увещевал дед Аким мальчишку, сидевшего на подводе за его спиной. Увозил он его в город, в детский дом, имея в кармане затасканной телогрейки постановление из милиции и пятнадцать рублей. Надо же было так случиться, что везти пацана пришлось в самую слякоть. Сентябрь, моросило вторую неделю, земля – что мокрая перина, лошадь, как ни погоняй, быстрее не пойдет. «Дотянуть бы до Задольска с богом, а там у шурина и просушиться можно, и лошади корм задать, и выпить чуток», – думал Аким. Очень выпить хотел старик, но с тех пор, как пожар в Безреченке случился, не лезла проклятая в глотку. Оба родителя мальчика – дотла.

Чмокнув без особой необходимости, Аким встряхнул вожжи и посмотрел куда-то за спину, влево, адресуясь между тем к мальчишке:

– Слышь, что говорю?

– Слышу.

– «Слышу»! – недовольно передразнил он мальчишку. – А сам опять изрисовывать все начнешь? Смотри, ой, смотри! Там такие курбеты не проходят, в городе-то! Быстро мозги вправят. Выпорют, али еще чего.

Старик задумался. Интересно, порют нынче, на шестьдесят пятом году советской власти, или нет? В деревне, знал, порют. Но в городе?.. Это ж сколько ответственных работников нужно в детский дом набрать, чтобы такую ораву сечь? Тут с одним-двумя сладу нет, а там, поди, не один десяток...

– А пороть станут – не плачь. Скажи, мол, не повторится более, осознал... Слышь?

– Слышу.

Аким поерзал на отполированной до блеска доске, прибитой поперек телеги для удобства езды. Уж скоро двадцатый год пойдет, как он конюхом в колхозе работает. Колес на этой телеге поменяно – пальцев на руках не хватит, чтобы счесть, а доска – ничего, дюжит. Доска – существо бездушное, прочное. Другое дело – человек. Когда у парня нет родителей, то нужно кому-то за него беспокоиться. Хоть два часа в сутки, а нужно. И Аким беспокоился изо всех сил.

Мальчишка шмыгнул носом.

– Ничего, чаем горячим в Задольске отпоят, насморк и пропадет. Это не страшно – насморк. – Аким вынул из кармана папиросы и глубокомысленно, задрав глаза до тяжелого неба, добавил: – С соплями, паря, жить можно. А вот без соплей еще ни один не обошелся.

Тяжелые кроны деревьев по обе стороны раскисшей дороги изредка вздрагивали, ссылая с себя мириады брызг. И тогда мальчишке они казались огромными дремлющими соба-

ками, просыпающимися для того только, чтобы отряхнуться. Он не слышал, как влага опускается с неба на землю, на листья берез и лапы елей, на круп изнурившейся кобылы, – вода, как пыль, садилась бесшумно и бесконечно. Но видел мальчишка, как раскрашивает она привычные взгляду предметы в цвета новые, яркие. Лоснящаяся спина лошади, сочащиеся зеленым соком еловые ветви – все было словно залито разноцветными красками, оживляющими унылый, серый, почти однотонный в своем сентябрьском застое пейзаж. И верил мальчишка, что вода оттуда, сверху – это не прозрачная жидкость, которую люди привыкли пить, а бесконечно длинный набор красок. Так думал он всякий раз, когда шел дождь. Но вот выглядывало солнце, сушило как будто нарисованные на стенах изб окна, и всего-то нескольких часов хватало, чтобы поверх красок легла пыль. И тогда мальчишка снова ждал дождя.

Люди перед телегой появились неожиданно. Вот только что дорога была совершенно пуста и очередным завитком поворота собиралась уйти в сторону, как вдруг прямо посреди нее возникли трое. Один из них принял захрапевшую лошадь под уздцы.

– Кто такие? – прикрикнул Аким, пережевывая во рту раскисший от слюны и дождя мундштук папиросы. Появление как из-под земли неизвестных вызвало переполох в его душе, и старик, чтобы не выдать смятения, поправил на голове фуражку с выцветшим околышем. – А ну, в сторону от кобылы!..

– Тише, дядя, тише, – проговорил тот, что держал узду в крепком кулаке. – Что ты как ошпаренный голосишь? Людей не видал?

– Людей видал, – заверил старик, – но нынче все добрые люди по домам сидят и без особой нужды по лесу не шастают... Эй, ты что там делаешь?..

Двое обошли телегу и с двух сторон принялись ворошить в ней сено. Невысокий, кисло пахнувший, видимо, давно не мывшийся мужчина с бесцветной, клочками вылезшей на дряблое лицо щетиной, деловито развязывал мальчишеский мешок.

– Положь, положи на место! – вскипел Аким, видя, как один из чужаков вынимает из мешка икону в серебряном окладе.

– Глянь, Курок... Дорогая небось? – крутя в руках лик Пресвятой Богородицы, пробормотал небритый. – Старая. Если ценителя найти, хорошо выручить можно.

Осознав, что никому, кроме него, и дела нет до мальчишеского скарба, Аким вскочил в телегу на ноги, коротко взмахнул рукой и сверху, с оттяжкой, перетянул наглеца вдоль спины намокшим кнутом.

– Положь!.. Это все, что есть у ребенка, сволочь!..

Сочный звук удара и последующий за ним рев небритого заставил мальчишку завалиться на спину и отползти в угол, туда, где сходились обструганные, почерневшие от старости слегги. Оттуда он со страхом наблюдал, как эти трое стащили старика Акима с телеги и, деловито сопя, стали избивать ногами. На сене, кучей наваленном на телеге, лежала икона, и Богородица, не моргая, смотрела на него пристальным, усталым взором.

– Православные... – доносилось до мальчишки. – Что ж вы... Как же можно... Дитя же смотрит...

Мальчишка видел, как за слегу схватилась чья-то окровавленная рука. Он не сразу увидел отсутствие большого пальца. Акиму лет тридцать назад раздробило его мялкой. Приглядевшись, мальчик узнал эту культю и заплакал. Потом рука сорвалась, и из-под колеса раздался звук, очень похожий на храп проснувшейся лошади.

Один из мужчин – мальчик узнал того, небритого, – вернулся к телеге и, то и дело поднимая ногу, стал резко опускать ее вниз, как если бы вбивал пяткой гвоздь в землю. После каждого удара мальчишка слышал хрипы. Аким уже не мог говорить, он лишь издавал звуки, которые пацан от него никогда раньше не слышал.

– Голосистый, падаль... – озлобленно пробормотал третий и сунул руку за голенище сапога. Мальчишка увидел блеснувшее, мгновенно покрывшееся водной пылью лезвие.

«Есть краски, красящие железо в зеркало...» – подумал мальчишка и застонал. Ему хотелось плакать от страха, но боязнь привлечь к себе внимание была сильнее. Он видел, как человек с ножом склонился над Акимом и стал совершать какие-то резкие движения, отчего его обтянутая парусиной спина двигалась из стороны в сторону.

Когда он выпрямился, мальчишка не выдержал и закричал. В голове его зашумело, и к горлу подкатился ком. Ему не так страшно было смотреть на кусок мяса, зажатый в руке мужчины, как на смеющиеся глаза взрослого человека.

– Хватит играть, – сиплым голосом приказал тот, что брал лошадь под уздцы, и зашелся в долгом, трескучем кашле. – Берите шмотки, икону и уходим... Поднимите его!..

Мальчишка видел, как двое подняли Акима. Он не узнал старика. Вместо лица у него блестела политая с неба красным мешанина, изо рта ручьем текла густая черная кровь.

Вцепившись в слегу, которой оканчивался борт телеги, мальчишка протяжно завывал.

Старший, беспрестанно кашляя и сплевывая, разорвал на груди Акима телогрейку и убедился, что на внутренней стороне ее есть карманы. Деньги – пятнадцать рублей, которые были переданы Акиму в милиции для вручения директору детского дома, он сунул в карман. Бумагу развернул, прочел. Потом скомкал и бросил в телегу.

– Ну, стало быть, и плакать по тебе некому, бродяга...

Небритый закинул мешок мальчишки с продуктами за спину.

– Ну?! – изумился старший тому, что дело затягивается.

Третий сунул руку за спину, за ремень, и вынул топор. Размахнувшись, он обухом ударил Акима в лоб. Мальчишка видел, как голова старика разошлась по черепным швам и сквозь образовавшиеся щели сначала брызнула, а потом полилась красная краска...

Лошадь заржала, дернулась и, играя мышцами, подалась назад. Лиловые глаза вращались, оголяя белоснежную девственность яблок. Задрав верхнюю губу, кобыла ржала, с чавканьем вбивала копыта в месиво дороги, пятила телегу...

– Чу, падаль!.. – И старший снова схватился за ремни удил.

Кобыла поволокла назад, как куклу, и его. И тогда мужчина, кашляя и пуча глаза, повис на ремнях. Мальчишка смотрел, как с губ лошади и человека валится густая пена...

– Разболтает, поди... – услышал он как будто издали донесшийся голос.

– Чтоб ты сдох, Курок, это же щенок!..

– А к стене по воле этого щенка и по приговору именем Союза Советских Социалистических встать не хочешь, гад?! – услышал мальчишка свистящий кашель старшего.

Внезапно хлынул дождь. Настоящий, сильный, звучный. Он ударил в лицо мальчишке, смыл слезы и задержал на мгновение того, с топором.

Быстро стерев с лица воду, мальчишка вскочил на ноги и прыгнул с телеги. Чтобы не поскользнуться, он ухватился рукой за одну из слег. И тут же почувствовал, как она хрястнула и дрогнула. Вместе с ней дрогнула и рука.

Боль мальчишка почувствовал потом. Дав стрекача вдоль дороги, он сначала ощутил, как налилась тяжестью рука. На бегу он бросил взгляд на кисть и страшно закричал. На правой руке у него не хватало указательного пальца. Лезвие топора отсекло его, врезавшись в слегу. Мгновение, отнявшее у мальчишки палец, спасло ему жизнь...

Ужас сплел его ноги, мальчишка рухнул в грязь. Разлетевшись, как жидкое повидло, она притянула его к дороге. Но нужно было встать. Кровь била тонкой цевкой, от тошноты кружилась голова, но мальчишка, видя, как мужчина топорищем, как рычагом, выламывает из треснувшей слуги окровавленное лезвие, поднялся на ноги. Грязь не хотела его отпускать, и когда он оторвал спину от дороги, сзади раздалось громкое, отвратительное чмокание. Прижав руку к груди, мальчишка припустил дальше. Он не прекращал кричать, но не слышал своего голоса. Зато ясно различил крик того, что схватил лошадь под уздцы. Своим хриплым сдавленным голосом он заорал что было сил тому, с топором.

– Не догонишь – задавлю, гад!..

Это придало сил. Поскользнувшись и упав, он вскочил в тот момент, когда услышал над своей головой тяжелое дыхание. Он уже чувствовал заскорузлые пальцы на своей шее, когда неведомая сила швырнула его в сторону и, дав устоять, понесла вдоль кромки леса.

– Убей его!..

Грязь липла к сапогам смолой, и с каждым новым шагом к ногам прирастало по килограмму. Сзади слышались плюхающие шаги и тяжелое, почти надсадное дыхание.

Резко свернув с дороги, мальчишка кубарем скатился в кювет. Размоченная дождем сухая трава путала ноги, липла к лицу... А сзади его догоняли. Взыв, мальчишка вырвался из травяного плена и ворвался в лес, как в кинозал, в котором шел фильм. Сонм звуков и запахов задержал его ход. Но только на мгновение. Тяжелый лапник бил по лицу, ветви берез секли руки, но он не останавливался. Мальчишка кричал изо всех сил, но слышал только свист своих легких.

Он бежал до тех пор, пока не зацепился ногой за полуистлевший ствол поваленного дерева. Выбив из его нутра облачко коричневой пыли, мальчонка рухнул наземь. Сапог слетел с ноги и затерялся в зарослях. От удара грудью пацан задохнулся и потерял сознание.

Мальчишке, которому через полгода дадут прозвище Голландец, шел девятый год.

* * *

«Здравствуйте. Меня зовут Голландец. Не спрашивайте, почему. Я все расскажу, всему свое время. А время нельзя торопить, под него нужно подстраивать свою жизнь. Как только начинаешь делать наоборот, все переворачивается с ног на голову. Это знают все, кто работает в Комитете по розыску исчезнувших произведений искусства. Сокращенно – КРИП. Нас в Комитете двенадцать человек, но о том, что мы существуем, знают только президент страны и несколько человек из правительства. Мы не имеем имен, кроме тех, под которыми знаем друг друга. Свою фамилию я вспоминаю только тогда, когда вынимаю водительское удостоверение или паспорт. Но люди, чьи снимки украшают эти документы, уже давно не существуют. Мальчик, чьи родители погибли при пожаре, перестал существовать, когда стал частью КРИП. Я нахожусь в его теле лишь для того, чтобы скрыть свою настоящую жизнь.

Я и мои коллеги ищем культурные ценности. Украденные, пропавшие без вести или существование которых лишь предполагается. В некотором смысле мы очень похожи на то, что ищем. Разница лишь в том, что мы находим, а нас не найдет никто и никогда. Как только кто-то из нас при исполнении своей уникальной роли допускает ошибку, мы встречаем в КРИП нового сотрудника. Куда исчезает прежний – не знает никто.

Хотел бы я сказать, что похож на своих коллег, но тогда погрешил бы против истины. Мне не стыдно солгать, не в этом дело. Лгу я всегда и везде. Каждую минуту. Ложь – единственное условие моего спасения. И я не преувеличиваю, говоря о спасении. Моя жизнь безоблачна и прекрасна только тогда, когда я лгу. Как только начну говорить правду, жизнь моя тут же закончится. Я не хотел бы, чтобы эти слова воспринимались как метафора. Уж коль вы здесь, я хочу, я прошу вас воспринимать буквально все то, о чем говорю. Сейчас лгать не имеет смысла, потому что никто из вас не сможет причинить мне зла. Мое прошлое и настоящее постепенно будет проявляться перед вашими глазами, и когда вы будете шаг за шагом узнавать что-то о моей жизни, помните каждую минуту, каждое мгновение: я – лучший из сотрудников КРИП. Но не только в этом мое отличие от них. Я сплю меньше, чем они, двигаюсь больше, чем они, и думаю больше, чем они. Вынужден жить именно так, потому что как только позволю себе расслабиться – я погибну. А это значит, что погибнет главный смысл моей жизни.

Произведения искусства, причиняющие людям страдания, должны быть убиты. Надеюсь, это вы тоже воспримете буквально. Это не входит в задачи КРИП, это им даже противоречит. Но это вписано в программное обеспечение моего сознания.

Нельзя из одной жизни уйти в другую, не оставив следов в прошлой. Но лучше бы помнящим меня другим людям не светиться солнечной улыбкой при встрече. И уж чего им точно не следует делать, так это обнимать меня на глазах десятков свидетелей.

Потому что тот, кто меня узнает, недолго живет.

Простите, не сказал вам главного. Я убиваю не только произведения искусства.

Единственное, что оставляю здесь с сожалением, – Соня. Кажется, она любит меня. А люблю ли ее я? Не знаю.

Я не припомню, чтобы кого-то любил больше, чем Джоконду. Но когда-нибудь я убью и ее.

Глава I

Он сидел на скамейке напротив Большого театра, закинув ногу на ногу и запрокинув голову. Глаза он прикрыл, но на лице не было и следа той глуповатой задумчивости, которой подвержены люди, слушающие через наушники музыку. Со стороны Малого, присев рядом с куда более задумчивым Островским, за меломаном наблюдали двое – невысокого роста блондин, чьи руки были небрежно засунуты в карманы брюк, так что полы пиджака топорщились, и второй, в похожем костюме, только, в отличие от своего спутника, не в черном, а в сером, хотя тоже от Бриони. Он прижал к переносице крошечный бинокль. В окуляры хорошо было видно, как мужчина на лавочке осторожно, словно боясь помешать музыке, которую слушал, встряхнул руками и положил их на спинку скамейки.

– Это точно он? – с глубоким сомнением уточнил тот, что был без бинокля. В свои тридцать пять или тридцать семь – заглянуть в его прошлое поглубже мешали черные очки, он меньше всего походил на человека, обладавшего какой-либо серьезной специальностью.

– Нас предупреждали, – напомнил второй.

– Послушайте, он сидит напротив Большого и сосет чупа-чупс. Невероятно!

– А что, он должен сидеть напротив чупа-чупса и сосать Большой?

– Ерунда какая-то... Судя по информации, он неплохо зарабатывает. Если это правда, черт возьми, тогда он надел бы на себя что-нибудь более подходящее. А парень пришел на встречу с клиентом в джинсах и застиранной рубашке. Такой тип даже на пляже в Анталье вызовет желание кинуть ему пару юаней.

Второй опустил бинокль и сунул его в карман.

– Я вижу мужчину тридцати пяти – тридцати семи лет, с волосами средней длины, шатена, среднего телосложения, на правой руке которого не хватает указательного пальца. И мужчина этот имеет вид живущего без определенной цели человека. Все совпадает.

Через минуту они стояли напротив лавочки. Мужчина продолжал сосать леденец и с закрытыми глазами слушать музыку. В какой-то момент подошедшие загородили ему свет. Мелькнувшей по его лицу тени оказалось достаточно, чтобы он открыл глаза. Торчащая изо рта белая пластмассовая трубочка замерла. Некоторое время он продолжал сидеть, не меняя позы. И лишь глаза его, внимательные, цепкие, тщательно ощупывали лица стоящих перед ним людей.

– Здравствуйте, – сказал тот, карман пиджака которого оттягивал бинокль.

Мужчина вынул из ушей крошечные наушники. Из них тотчас полился голос ничего не подозревающей Барбары Фритолли.

– «Травиата», – вежливо констатировал владелец серого костюма.

– Здравствуйте, – повторил его спутник.

Мужчина подумал, схватился за трубочку и вынул конфету. Блестящий оранжевый шар на конце блеснул в лучах полуденного солнца. Мужчина облизал губы и кивнул.

– Вы Голландец?

Мужчина снова подумал.

– Что вам нужно?

– Вы – Голландец? – решил быть настойчивым хозяин бинокля.

– Лучше скажите, что вам нужно.

Тот, что был в сером костюме, поджал губы и усмехнулся.

– У нас здесь назначена встреча с человеком по имени Голландец, – старший дуэта решил быть терпеливым. – Ровно в двенадцать часов. Если вы Голландец, то встреча состоялась. Если нет, тогда какого черта у вас, как и у него, не хватает пальца на правой руке?

– Я Голландец, и именно здесь, как мне сказали, ко мне должны подойти два человека. Еще мне сказали, что в тридцатиградусную жару они будут одеты, как Винокур и Лещенко.

Те переглянулись.

– Мы от Евгения Борисовича, – сказал второй.

– Значит, встреча состоялась, – сказал мужчина в «гавайке» и сунул чупа-чупс в рот.

– Машина ждет, – сообщил первый.

– Это хорошо. Потому что я неуютно чувствую себя в толпе и ненавижу метро.

Они пересекли площадь и на Петровке подошли к припаркованному черному «Мерседесу-G500».

– Простите, но я должен это сделать, – предупредил один из новых знакомых и, сильно прижимая ладони к телу Голландца, тщательно его обыскал. По тому, как производился досмотр, Голландец понял, что его новые знакомые ищут не оружие – было и так очевидно, что его нет, а аппаратуру для записи.

– Там еще водитель, – предупредил мужчина в сером костюме. – Итого нас будет аж четверо. Это не вызовет у вас приступа охлофобии?

Ничего не ответив, мужчина с чупа-чупсом во рту забрался в салон на заднее сиденье. Рядом с ним сел первый. Второй уселся на переднее сиденье. Ответа на шутку по поводу охлофобии он не получил, и это его огорчило. Едва машина тронулась, он развернулся так, словно собирался провести в беседе остаток жизни.

– Наверное, это ваша любимая рубашка?

– Нет. Любимая в стирке.

– Ее вы, вероятно, стираете еще чаще, чем эту?

Несколько минут они ехали молча.

– Как вы можете ходить по городу в рубашке со стеклянными пуговицами и с торчащей трубочкой изо рта?

– А я не понимаю, почему вы не ходите в рубашках со стеклянными пуговицами и с торчащими трубочками.

– Вы очень не похожи на специалиста по кражам картин, – заговорил первый. Лет ему было далеко за сорок, но пятидесятилетнего юбилея еще предстояло подождать. Короткая бесцветная, слегка тронутая сединой стрижка, бесцветные брови и ресницы – такого не сразу обнаружишь в толпе из десяти человек и вряд ли с ходу запомнишь. Разве что внимательные глаза противоречили облику человека-невидимки. Но он, кажется, обладал способностью прятать и взгляд. Тонкие губы, лягушачьи лапки морщин под глазами. Совершенно ничем не выдающаяся личность.

– А что вас удивляет? – Беспальный двинул челюстями, раздался хруст леденца, и второй раздраженно поморщился. – Было бы странно, если бы я был похож на специалиста по кражам картин. Ведь я специалист по их розыску.

Губы мужчины в черном костюме тронула усмешка.

– Признаться, вы и на него не очень похожи.

– Когда все похожие на специалистов оказываются в дураках, обычно зовут меня.

– И вы обычно утоляете печали коллекционеров? – кивнул второй, с интересом разглядывая беспального.

– Не всегда.

– Отчего же? Ведь вы так не похожи на неудачника, – и он повел плечами. Это была шутка.

– Есть воры, поймать которых невозможно.

– И вы знаете таких?

– Разумеется, – обсосав трубочку чупа-чупса, беспальный опустил стекло и выбросил ее в окно.

– Почему же не ловите?

– Я не похож на специалиста по кражам картин. Я не похож на специалиста по розыску картин. А на опера из МУРа я похож?

Минут пять в машине висела тишина. Видимо, и на опера из МУРа странный человек похож не был. Он вообще ни на кого не был похож. Вынув из кармана что-то, он захрустел оберткой. Дрогнув, мужчина на переднем сиденье резко обернулся и с ужасом стал наблюдать за тем, как беспальный разворачивает чупа-чупс.

Евгением Борисовичем оказался молодой человек двадцати пяти – двадцати семи лет. Впрочем, Голландец вынужден был признать, что вчера, разговаривая по телефону с этим представителем «золотой молодежи» и определяя его возраст, он ошибся. Голос Евгения Борисовича был значительно моложе его самого. И вот теперь, разглядывая его и пожимая протянутую руку, Голландец без труда прочитал во взгляде своего работодателя огорчение, почти скорбь. Тусклые, со слабым просветом надежды серые глаза смотрели по-щенячьи робко, в них причудливым образом смешивались и разочарование гостем, и уверенность в том, что хозяин дома готов исполнить любое желание Голландца, если тот окажется полезен. В успешности Евгения Борисовича сомневаться было как-то излишне. Если только молодого человека не силой затолкали в этот двадцатимиллионный особняк и не силой же заставили коллекционировать полотна импрессионистов.

Пальцы у него были тонкие, как у скрипача.

От кофе Голландец вежливо, но твердо отказался. Чтобы не обижать хозяина, остановился на крепком черном чае.

– У меня превосходный турецкий кофе, – сделал попытку настоять на своем Евгений Борисович. – Я готовлю его своим друзьям лично.

Голландец уселся в глубокое кресло в каминном зале, который располагался на первом этаже. Потрогал руками массивные подлокотники.

– Я не разбираюсь в кофе, – ошупывая взглядом стены, ответил он. – Так зачем вас разочаровывать? Вы будете ждать от меня восхищения, а я не смогу вас похвалить.

– Это ваш принципиальный подход ко всему или только к кофе?

– Ко всему.

Хозяин дома успокоился.

– Мне вас рекомендовали как...

– Я знаю.

– Что вы знаете?

– Что вам меня рекомендовали. Как специалиста. Давайте экономить время.

Евгений Борисович на мгновение застыл на месте, потом лицо его порозовело и он улыбнулся. Знающие его люди сказали бы, что Евгений Борисович обнаружил в собеседнике ценность, которую считал в людях главной, – отвращение к долгим разговорам.

– Тогда начнем. С чая.

Женщина лет сорока, со следами совсем недавно утраченной красоты, внесла поднос с дымящимися чашками, сахарницей и еще какими-то, не вызвавшими у Голландца интереса, сосудами. На всем, даже на лицах прислуги, присутствовала какая-то тихая грусть. Голландец не сказал бы, что причиной тому является исчезнувшее полотно, о котором ни вчера, ни сегодня не было сказано еще ни слова, но во всем чувствовалась старомодная, отдававшая нафталином, почти книжная печаль. Видимо, и прислуга, и атмосфера дома напрямую зависели от настроения хозяина, так уж повелось. А настроение у Евгения Борисовича, Голландец обнаружил это сразу, пожав его приветливую, но вялую руку, которая тоже, по всей видимости, носила признаки общего настроения, было скверное. Справедливости ради нужно было заметить, что, несмотря на недостаточно зрелый возраст, Евгений Борисович держать себя умел и

не позволял личным переживаниям мешать предстоящему делу. Чувства хранить не умел, он невольно выдавал их, но не позволял им мешать делу.

Голландец освоился в незнакомой обстановке быстро. Не осторожничая, что свойственно оказавшимся в роскошных домах гостям, он с выразительным пристрастием рассматривал интерьер. Но столик стоял посреди огромной залы, и рассмотреть что-то толком, полностью удовлетворив свое любопытство, было невозможно. Решив не доводить молчание до неприличия, Голландец поднялся и направился к стене.

За исключением того места в комнате, где гранитным изваянием выпирал из общей картины классицизма камин-барокко, все свободное пространство стен занимали картины. Хозяин дома не без интереса наблюдал за каждым движением гостя. Вот Голландец неожиданно шагнул вперед, к стене, и почти уткнулся в полотно. Потом, выпрямившись и потирая руки, словно намыливая, заскользил взглядом по нескольким картинам сразу. Потом снова возник неподдельный интерес к очередному полотну, и – стойка как у легавой.

– Ваш кофе простынет.

– У меня чай, – не раздумывая, ответил Голландец.

– Странно, мне почудилось, что вы не думаете сейчас ни о чем, кроме этих картин.

– Я и о них не думаю.

– Они вам не нравятся? – попытался удивиться Евгений Борисович.

– Отчего же. Замечательные полотна стоимостью в тридцать-сорок тысяч.

– Здесь шестьдесят две картины. Полагаете, эта зала стоит около двух миллионов двухсот тысяч долларов?

Отвернувшись от стены, Голландец с уже отсутствием какого-либо интереса вернулся к столику. Глотнул чая и уселся с чашкой в кресло.

– Кто сказал – долларов? Все это богатство стоит около двух миллионов рублей. Только чтобы выручить эти деньги, вам придется попотеть. Германовых и Зулябиных в Москве сейчас пруд пруди. Я бы рекомендовал вам сдать все это оптом за полмиллиона. В художественной лавке Морилых у вас возьмут. С перспективой реализовать эти вещи в течение года. – Голландец поставил чашку на стол и вынул из кармана платок.

С хозяином начали происходить еле заметные перемены. В момент появления в его доме Голландца он почти усомнился в том, что вчера именно с ним разговаривал по телефону. Очень уж мало было в этом весьма вольно распоряжающемся своей внешностью человеке того внутреннего мотива, напевая который можно было перенестись в мир искусства. Но сейчас он убеждался, что данные ему характеристики принимают достоверные очертания. Надо же, за две минуты вычислил Германова и стоимость определил почти «в цвет». Ошибся только в том, что как раз за полмиллиона рублей Евгений Борисович эти полотна и купил. И как раз в лавке Морилова. Нужно было придать зале цвет, и он через Морилова вывез из мастерской Германова и Зулябина шестьдесят одну картину.

– Мне говорили, что помимо предвидения и художественного нюха вы обладаете еще и даром эксперта.

– Художественный нюх, – повторил Голландец, и в глазах его блеснули искорки. – Кто-то сильно преувеличил мои возможности. Поверьте, недостатков во мне куда больше. Впрочем, как вам угодно. Я же за деньги работаю, поэтому – как вам угодно.

– Я бы не хотел, чтобы недостатки эти возобладали над вашими достоинствами, Голландец, потому что дело, о котором мы сейчас заговорим, не терпит ошибок.

– Тогда, быть может, сразу и быка за рога? Потому что я и чай, признаться, не люблю. Предпочитаю свежавыжатые соки и простую воду.

– Вы правы. К делу. Вы курите?

– Нет. Это вредно для здоровья. Но терпим к курящим. Так что если вы хотите в моем присутствии убить пяток минут жизни, извольте, – и Голландец улыбнулся. – Так в чем же суть дела?

– Что вы знаете о Ван Гоге?

– Все.

Евгений Борисович растерянно наблюдал за тем, как Голландец, вынув из кармана чупа-чупс, стал сдирать с него ярко-красную обертку.

– Не слишком ли самонадеянно отвечено? – тихо полюбопытствовал он.

– Как спрошено, так и отвечено. – Голландец сунул леденец в рот и поднял глаза на хозяина дома. Пытаясь понять, какие чувства он вызвал своим ответом, он не находил ничего, кроме озабоченности тем, как бы Голландец не подумал, что Евгений Борисович ему верит. Человек, живущий в особняке за двадцать миллионов долларов, на работе своей, приносящей ему доход, выглядит, конечно, иначе. Скорее всего, подумал Голландец, этот мальчик – деспот. Только что расцветший бутон цветка помидора, рядом с которым погибает вся растительность вокруг. Помидор подминает под себя все цветущее, позволяя лишь развешивать рядом бледные худосочные листья. Вот и складочка вертикальная меж бровей пролегла. На работе она напряжена, и в приемную его заходят, не в силах избавиться от непреодолимого желания оттуда побыстрее выйти. Но здесь, дома, оказавшись перед лицом неизбежности, которую не задавишь юной, разглаживающейся от удивления складкой на лице, он выглядит иначе. Как и положено молодому человеку, прожившему четверть века. Мальчик, безусловно, умен, но беззащитен.

– Послушайте, поскольку алгоритм нашего разговора затягивается, – подумав, куда девать чупа-чупс, Голландец положил его на блюдце, – вы сейчас предпринимаете попытки меня заинтриговать. Подвести к теме способом, который устарел в годы моей юности. – Голландец встал и снова направился к западной стене. – Что я знаю о Ван Гоге, спросили вы? Я ответил – все. Это значит, что я знаю все его известные искусствоведам картины. Естественно, если какое-то из полотен до сих пор находится где-нибудь в курятнике, что в свое время случилось с «Портретом доктора Рея», то она неизвестна экспертам. Получается, что неизвестна и мне. Вчера вы сказали, что речь идет о картине. Сейчас спросили о Ван Гоге. Стало быть, тема нашего разговора – неизвестная картина Ван Винсента, которую у вас похитили... Вот это не Германов, – Голландец пощелкал пальцем по раме одной из картин. В зале раздался вульгарный стук ногтя по лакированному дереву. – И не Зулябин. Это жалкая попытка имитировать Ван Гога кем-то из мне неизвестных. А я-то все думал, что меня раздражает на этой стене? Можете подарить ее какой-нибудь воинской части. Но только, упаси боже, не детскому саду. Нации нужны здоровые дети.

– Это я писал.

Голландец с улыбкой развернулся.

– Думаете, начну извиняться?

– Не думаю.

– Правильно делаете. Каждый должен заниматься своим делом. Пусть картины пишет Германов, если уж другим образом заработать себе на хлеб не может. Но вернемся к Ван Гогу. – Голландец занял выжидательную позу.

Еще усаживаясь, он исподлобья бросил взгляд на Евгения Борисовича. Убедившись, что попутные темы, как то: чай, курение – исчерпаны, он скрестил руки на груди и, уже не стесняясь, вперил пронзительный взгляд в хозяина дома.

– Видимо, мне нужно начать с самого начала, господин... Голландец. – Евгению Борисовичу было рекомендовано обращаться к гостю так, и он сейчас чувствовал себя неловко от необходимости выполнять это правило. Выглядело все как-то забавно, несерьезно.

Напольные часы в углу залы начали бить. Издаваемый двухсотлетним хронометром звук немногим отличался от перезвона любого благовеста Московской области. Слава богу, подумал Голландец, не меняя выражения лица, что сейчас всего лишь два. Но когда часы ударили в третий раз, он понял, что стучать им еще девять. Это пошло на пользу разговору. Евгений Борисович чуть обмяк, выжидая, и успокоился.

– В сорок пятом году прошлого века моего деда, возвращавшегося из Берлина, занесло во Францию. По неинтересным нам сейчас причинам он там сначала задержался, а потом остался. Потому что возвращаться было глупо... Там он встретил любовь, женился и осел, пустил корни. У него была мастерская по изготовлению мебели. В шестидесятом родился мой отец. Он почти не говорит по-русски, продолжает во Франции дело деда. Но в России у деда осталась жена...

– Ты посмотри, – ухмыльнулся Голландец, – какой неожиданный курбет. Действительно, возвращаться деду было глупо.

– Не иронизируйте, – Евгений Борисович нахмурился. – Война тогда поломала много судеб...

– Но не вашего деда, – отчего-то заупрямился Голландец. – Впрочем, простите, я вас слушаю.

Молодой человек кашлянул, потер ладонью о ладонь и, глядя в пол, снова заговорил:

– Не знаю, совесть растревоженная тому причиной была или размолвка с женой-француженкой, которая, как и муниципалитет Марселя, даже не догадывалась о браке деда в СССР, да только в один прекрасный момент он оказался в Союзе.

– А что же его французская жена?

– Еще до отъезда деда ей сильно нездоровилось и она слегла в больницу.

– Какую больницу?

– Не знаю, что-то с почками. А дед вернулся в Союз. С собой он привез меня и большую сумку вещей.

– Он вас выкрал?

– Совершенно верно, – Евгений Борисович кивнул. – В три года от роду я оказался с ветреным дедом в стране, где у нас не было ни жилья, ни средств к существованию.

– Вы сказали – ветреным дедом?

– Разве человек серьезный поедет в конце восьмидесятых в СССР, да еще с трехлетним внуком на руках?

– Дальше, – попросил Голландец.

– Но он вернулся не просто в СССР, из которого сорок лет назад бежал. Он вернулся к бабушке.

– Так...

– И с восемьдесят восьмого года до минувшего понедельника они жили вместе.

– А что случилось в понедельник?

– Дед умер.

– От чего?

– Странный вопрос. От старости. От чего же еще умирают люди в девяносто лет?

– Иногда в девяносто умирают от топора в голове. А бабушка?

– Бабушка еще жива. Она-то и стала причиной того, что я десятый день не нахожу себе места.

– Это как-то связано с картиной?

– Стал бы я приглашать вас, если бы нет. – Евгений Борисович повел плечами, словно рубашка под пиджаком прилипла к спине. – Перед смертью, в течение недели, дед рассказывал бабушке о своей жизни во Франции. Он, видимо, чувствовал, что отдает концы.

– Как-то вы о дедушке...

– Если бы не его внезапно пробудившаяся любовь к жене, которую он не видел полвека, я бы спокойно мастерил мебель в мастерской отца и не имел тех хлопот, которые сейчас сводят меня с ума!

– Вы лжете.

– Лгу, – подумав, произнес молодой человек. – Я лгу. Не хотел бы я мастерить кресла и ковыряться в обивке. Меня моя жизнь вполне устраивает.

– А зачем лжете?

Евгений Борисович раздраженно встал из кресла и принялся ходить вокруг столика. Когда он оказывался за спиной Голландца, тот начинал его рассматривать в зеркале двери.

– Моя жизнь изменилась. Резко изменилась. Так день меняется на ночь, понимаете? С того самого момента, как в дом была внесена эта картина. Все мысли мои о ней, я не могу работать...

– При чем здесь бабушка?

– Это она отдала мне картину.

Внезапно молодой человек остановился за креслом Голландца, и оно пошатнулось. Соображая, не примеряется ли благочестивый джентльмен топором, Голландец обернулся. И тут же, коснувшись щекой носа Евгения Борисовича, отпрянул.

– Вместе со мной дед привез в Союз картину, – остервенело зашептал Евгений Борисович ему в ухо. – Полотно размером сорок два на шестьдесят три сантиметра!.. – шипящие, щекоча висок, забирались в ушную раковину Голландца, и ему казалось, что это кошка, вытянув свой шершавый язык, пытается вылизать ему барабанную перепонку.

– Значит, на картине и остановимся, – решительно заключил он, пытаясь подняться.

– Нет!.. – Руки молодого человека, чего от него ожидать до сих пор было невозможно, вдавили крепкое тело Голландца в кресло. – Не на картине... Мы успеем о ней поговорить... Хотите выпить? – так же неожиданно предложил он.

Голландец поднял на молодого человека глаза. Ему на лоб с лица Евгения Борисовича упала капля. Голландец развернулся и, освобождаясь от захвата, поднялся на ноги. Теперь он мог без труда рассмотреть хозяина дома. По вискам Евгения Борисовича, соревнуясь друг с другом, бежали две капли. Лоб его покрылся испариной, взгляд блуждал по залу.

Опустив наконец руки, которые тут же стали ватными, Евгений Борисович шагнул к столу и поднял с него серебряный колокольчик.

Очень скоро на его короткий перезвон появился некто, в ком Голландец безошибочно угадал дворецкого.

– Принесите коньяк, – потухшим голосом приказал молодой человек.

– Мне кажется, не помешала бы и валерьянка, нет? – как можно миролюбивее заметил Голландец.

Молодой человек внимательно посмотрел на него. Так смотрят на монету, ценность которой мешает определить слой ржавчины.

– Вы думаете, я сошел с ума?

– Я думаю, нам пора поговорить о картине. Обсудить финансовую сторону сделки и либо ударить по рукам, либо расстаться.

– Однако я все-таки закончу свой рассказ.

– Конечно. – И Голландец потянулся к бутылке. В эту минуту ему не хотелось противоречить хозяину дома.

Глава II

– Картина, которую привез дед, принадлежала его второй жене, француженке. К ней, если верить рассказу бабушки, она перешла от матери. А матери – от ее матери...

«В такие минуты бываешь счастлив, что Ван Гог умер всего-то в позапрошлом веке, – подумал Голландец. – Если бы у него отняли полотно Рубенса, жить бы мне здесь до пятницы».

– Последний в списке владелец картины, сведениями о котором я располагаю, это и есть бабушка французской жены моего деда. Колин Гапрен... Вам знакомо это имя?

– Впервые слышу, – смакуя коньяк, признался Голландец.

– В тот момент, когда картина оказалась у нее, она жила в Мартиге. Это юг Франции, портовый городишко, в шестидесяти километрах по железной дороге от Арля.

– Редкое упоминание Арля наполняет ваш рассказ хоть каким-то смыслом. Арль – это последний этап жизни Винсента.

– Не торопитесь, не торопитесь... – устало пробормотал Евгений Борисович. – Все только начинается... Колин Гапрен – это тетка Рашели, девушки из борделя на улице Риколетт в Арле.

Голландец опустил рюмку, которую собирался было поднести к губам, и остановил взгляд на Евгении Борисовиче.

– Вам осталось только сказать, что проститутке Рашели – она же Габи – картину подарил Ван Гог.

– И не подумаю. Я не собираюсь вас эпатировать, я предлагаю вам историю, которая, быть может, поможет вам вернуть мне картину.

Выдержав паузу, которой оказалось достаточно, чтобы опустошить содержимое до краев наполненной рюмки, Евгений Борисович еще некоторое время сидел неподвижно, но не блаженствуя от ощущений после выпитого, а просто предоставляя возможность жидкости спокойно закончить свой путь. Голландец готов был поклясться в этом.

Евгений Борисович продолжил:

– Эту картину проститутка Рашель, приехав в Сен-Реми, купила у доктора Рея за тридцать франков. После чего, побывав в гостях у тетки, оставила до лучших времен.

– «У доктора Рея...» Вы имеете в виду того Рея, который... – Голландец поднял руку и пошевелил пальцами.

– Я думал, вы знаете о Ван Гоге все, – с иронией бросил молодой человек.

– Во Франции Реев как в Москве Петровых. Я просто хотел уточнить: доктор Рей – это тот самый Рей, что был лечащим врачом в больнице для душевнобольных в Сен-Реми?

– Именно так. Это тот самый доктор Рей.

– А как картина Ван Гога, о которой мы, к моему великому сожалению, даже не начали еще говорить, оказалась у доктора Рея? – Голландец, поставив на стол полную рюмку, сцепил пальцы в замок. – Я знаю историю одной картины, подаренной Рею Ван Гогом, – это портрет самого доктора. Впоследствии Рей заложил им дыру в своем курятнике, чтобы несущек не тревожили ветра, а одиннадцать лет спустя он его оттуда вытащил и продал за полтораста франков. Спустя еще некоторое время картина оказалась в руках русского коллекционера Щукина. Он купил полотно в тысяча девятьсот восьмом году в парижской галерее Дрюэ, а потом подарил Пушкинскому музею. Мне жаль реставратора Елену Москвину, которая над этим холстом... Впрочем, это к делу не относится. Надеюсь, не об этой картине мы говорим сейчас, Евгений Борисович? – Голландец пальцами, сложенными в «замок», почесал подбородок. – Мне бы очень не хотелось сойтись на одной дорожке с сотрудниками Роскультуохраны.

Молодой человек свирепо выдохнул через нос и стал проявлять признаки беспокойства.

– Дьявол меня порви, господин Голландец!.. Я пытаюсь придать своему рассказу академическую ритмичность, но из-за ваших врезок он уже даже мне самому кажется бредом сумас-

спешшего!.. Позвольте мне договорить до конца или хотите поговорить о «Портрете доктора Рея»? Если последнее, извольте! Я знаю о нем не меньше вашего!..

Голландец, который порядком устал находиться в этом доме, осторожно откинулся на спинку кресла. Точнее – утонул в нем.

– Это «Ирисы в вазе», – сказал вдруг успокоившийся Евгений Борисович и поднял на Голландца полный опаски взгляд. Но тот, даже не поведя бровью, сидел в кресле словно мертвый.

– Вы слышали, что я только что сказал?

– Слышал.

– И почему никак не реагируете?

– Это не будет врезкой?

– Прекратите ерничать.

– Будь по-вашему, – согласился Голландец и наклонился к столику. – Но сначала один вопрос. Каким годом датированы ваши «Ирисы в вазе»?

Молодой человек провел рукой по брючине так, словно собирался разгладить стрелку.

– Одна тысяча восемьсот восемьдесят девятым годом.

– Замечательно. – Голландец дернул головой и закинул назад упавшие на лоб волосы. –

Начну с того, что тема ирисов захватила Ван Гога с тысяча восемьсот девяностого года. В принципе разговор на эту тему уже может быть закончен. Но вопреки здравому смыслу я его продолжу. Итак, всего Винсентом Ван Гогом было написано четыре полотна, на которых присутствуют ирисы в вазе. Одна из них находится в нью-йоркском Метрополитен-музее, вторая – в амстердамском музее Винсента Ван Гога. Остальные приобретены для частных коллекций, но из вашего рассказа видно, что они не имеют к вашим ирисам никакого отношения. И больше ирисов в вазе Ван Гог не писал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.